

жизнь, отдаваемая хору

Немногие из нас знают о музыке, сопровождающей еврейское Б-гослужение. А ведь эта традиция существует уже несколько тысячелетий, и музыка является неотъемлемой частью еврейской литургии.

Канторское искусство в России сохранилось лишь благодаря любителям синагогального пения.

Кантор традиционно не только владеет мастерством сольного вокала, но, будучи «шелиах цибур» (посланником общины), является носителем еврейской традиции и эстетики.

В 1937 году кантору московской синагоги на Б. Бронной Моисею Гутенбергу органами безопасности было предложено вместе с представителями других религиозных конфессий подписать письмо в газету «Правда» об отказе от своего религиозного мировоззрения.

Кантор пришел за советом к раввину и услышал: «Мойшеле, ты рожден быть евреем, и никакие обстоятельства изменить этого не смогут». На следующий день Моисей Гутенберг исчез. Только спустя много-много лет его сын узнал, что отец был расстрелян через неделю после ареста.

В 30-е – 70-е годы многие канторы на Украине, в Прибалтике, в России умерли, многие уехали. К началу 80-х годов в синагогах на всем пространстве СССР только четыре кантора проводили Б-гослужения: Моше Аронс (Рига), Эммануил Каплун и Владимир Липовецкий (Москва), Лев Каменецкий (Алма-Ата).

Казалось, великие канторские традиции восточно-европейских евреев на территории бывшего Союза обречены на вымирание.

И лишь сейчас, впервые за 70 лет в России изданы первые пособия по канторскому искусству. Лучшие российские канторы, в отличие от зарубежных, влчат нищенское существование. Если это положение не изменится, канторское искусство в России исчезнет, как острова Азии, недавно накрытые волнами цунами...

Мы беседуем с Александром Цалюком – художественным руководителем и дирижером московского мужского еврейского хора «Хасидская капелла».

– Александр, расскажите, пожалуйста, о своих занятиях музыкой.

– Я родился в 1970-м году. С четырех лет частным образом занимался музыкой с педагогами. Потом закончил музыкальную школу по классу виолончели.

– А что было потом?

– Потом я поступил в «Мерзляковское» училище при консерватории, в класс дирижирования. Учился затем в Московской консерватории и двух аспирантурах – по классу хорового и симфонического дирижирования.

– В чем отличие хорового дирижирования от симфонического? Поясните для непрофессионалов, пожалуйста...

– Специализации «хоровое дирижирование» в Европе нет. Существует общее понятие дирижирования. В России, из-за высокого развития православной хоровой культуры, в начале XX века при Московской консерватории был создан факультет хорового дирижирования наряду с симфоническим, где обучали хормейстеров-регентов для церковного богослужения. Работа с хором требует особых знаний и навыков. И сейчас в Московской консерватории две кафедры – хорового и оперно-симфонического дирижирования. Я писал диплом на тему «Историческое развитие еврейской литургической музыки». Это был, вероятно, первый, официально разрешенный диплом по еврейской тематике, с 17-го года.

– А где в те времена искали соответствующую учебную литературу?

– Совершенно уникальные книги на английском языке получил я от Йозефа Маловани, главного кантора синагоги на 5-ой Авеню Нью-Йорка. Мне приходилось переводить их. Это были издания 20-х годов знаменитого музыковеда Ицхака Идельсона. Эти книги никогда с тех времен не переиздавались. В Ленинской библиотеке изучал в архиве запрещенных на тот момент Брокгауза и Ефрона, – статьи о еврейской музыке. Достать это в другом месте было невозможно!

У меня был практически не диплом, а целая диссертация. В консерватории заявили, что не могут предоставить оппонента, и посоветовали ехать с данной тематикой в Израиль или США и там «защищаться». В итоге я представил диплом, пройдя еще и «ассистентуру-стажировку по хоровому дирижированию».

– И тут же создали хор?

– Мой дедушка, Лейб Вульфович Раяк, привел меня, восемнадцатилетнего, в московскую хоральную синагогу. Он с 20-х годов прошлого века был почетный член и прихожанин еврейской общины. Дед ушел из жизни недавно, 96-летним. Он видел многих раввинов, глубоко веровал, но при советской власти скрывал это, оставаясь внешне светским человеком. В детстве мы собирались у него по большим праздникам всей семьей, он проводил сейдер на Пейсах по всем правилам. При советской власти, когда еврейские книги и атрибутика были вне закона, дедушка героически прятал все это. Сегодня его книги – наши семейные реликвии. Дед родился недалеко от Витебска, в местечке Лукомоль. Учился с Марком Шагалом в одном хедере, на помощника раввина, занимался ведением молитвы (баал тфила). Помнил, как Шагал рисовал карикатуры на своих одноклассников, на полях тетрадки.

В начале 90-х по инициативе «Джойнта» при синагоге на улице Архипова был создан хор. Тогда в Москву приехал президент американского «Джойнта» Ральф Гольдман и с ним – группа известных американских канторов, бизнесменов, раввинов.

Одним из них был уже упомянутый Йозеф Маловани, профессор «Ешивы Университи». Гости добились встречи с Горбачевым и получили его личное согласие на воссоздание и развитие российской еврейской общины. Частью этого проекта было возрождение мужского еврейского хора в синагоге.

Говорят, до революции там был потрясающий хор, насчитывавший более 60-ти любителей и профессиональных музыкантов. Существовал даже такой жанр – религиозный концерт. Хор выступал с выдающимися канторами – с Моше Кусевицким, Пинчиком, Гершоном Сиротой, позже с Михаилом Александровичем. Хора не стало при советской власти.

Идея Ральфа Гольдмана была замечательная. Евреи СССР были блестяще образованны, но оторваны от своих корней, религии, культуры. У каждой нации есть свои гении, в разных областях, в том числе – и музыкальной. У немцев – это Бах, Шуберт, Бетховен, у русских – Рахманинов, Чайковский, Мусоргский, у австрийцев – Моцарт, Штраус, а у евреев, как это ни прискорбно, практически никого. Мы не знаем ни одного классика-композитора, представителя яркой еврейской музыкальной школы.

Американцы понимали все это, надеясь, что с помощью хора и путем организации интересных выставок, концертов, одним словом – акций, связанных с высоким искусством, удастся привлечь интеллигенцию в синагогу. В Москве решили открыть филиал «Ешивы Университи», со школой для будущих канторов.

Еврейская духовная музыка мало известна широкому кругу слушателей, ввиду того, что находилась под запретом и до революции существовала только внутри общины. Хор стал полным откровением. Я тогда учился на дирижерском факультете музучилища при консерватории. До создания профессионального коллектива работал хормейстером в синагоге и занимался с пожилыми любителями. Следил за ходом службы, молитвы мне переводили, так как не было сидуров с русским переводом.

Когда же мы начали работать профессионально, в хор пригласили выпускников консерватории и других высших музыкальных заведений. Образовался новый, молодой коллектив, который начал активно гастролировать.

«Джойнтом» была приобретена огромная библиотека, нам присылали ксерокопии нот из библиотеки конгресса США и из многих еврейских религиозных учебных заведений. Часть очень редкого материала была получена из архивов КГБ. Это были арестованные и конфискованные в 30–40-е годы сидуры, рукописные нотные материалы с музыкой, исполнявшейся во время служб еще до революции.

Мы стали изучать, расшифровывать все эти документы. Вскоре у нас появился дирижер – выпускник «Гнесинки» Михаил Турецкий. Он подписал долгосрочный контракт с американскими спонсорами во время первого турне по США, и часть хора там осталась.

Обновленный коллектив стал называться «Хором Академии канторского искусства». Я стал дирижером. Кроме республик бывшего СССР мы

объездили Германию, Польшу, Израиль, Швейцарию, Англию, Францию. Пели для королевских семей Швеции, Норвегии, для датской королевы. Какое же было яркое, романтическое время!!! (Тоскливо улыбается.)

– **Не пробовали написать книгу о своей гастрольной жизни?**

– Рановато писать мемуары!

– **А как сложилась судьба оставшихся в США музыкантов и самого Михаила Турецкого?**

– В 1995-м году часть хора Турецкого вернулась в Москву. Какое-то время мы параллельно работали в Хоральной синагоге. Начались проблемы финансового и политического свойства между администрацией хора и синагоги. Не выдержав этого всего, коллектив, состоявший из 20 человек, вынужден был уйти.

Часть коллектива под управлением Турецкого начала заниматься более попсовым репертуаром. Современная шоу-эстетика нравилась спонсорам (в частности – Владимиру Гусинскому) гораздо больше еврейской литургической музыки. Мы же занимались духовной музыкой и народной песней на идише, национальной Культурой в высоком значении этого слова. Огромное спасибо р. Берлу Лазару. Он тогда еще не был главным раввином России, не было и Московского еврейского общинного центра. Стояла всего лишь крошечная синагога.

– **И вы придумали себе новое название?**

– По преданию, у старого Любавичского Ребе Шнеерсона был ряд учеников, которые ходили за ним из местечка в местечко и пели знаменитые хасидские «нигуним» – мелодии, песнопения. Этот коллектив «бродячих музыкантов» назывался – «Хасидская капелла».

Раввин р. Берл Лазар предложил нам взять это историческое название и найти какие-либо материалы. Искать было очень трудно, такие материалы практически не издавались. Раввин Лазар привез нам единственный сборник этих мелодий, изданный в Израиле: одноголосные напевы без слов. Мы пытались их аранжировать для хора, но сделать это было практически невозможно, так как это искажало природу произведений, лишало их шарма. Когда двадцать мужчин поет одноголосно одну мелодию – это странно в нашем обывательском понимании, но – не в понимании хасидской традиции. Мы столкнулись с тем, что если в хоральной синагоге мы пели службы, как хор в католических, протестантских или православных храмах, то в хасидской синагоге и традиции пение хора во время службы – не приветствуется. Считается, что хоровое пение отвлекает от молитвы, от мыслей о Б-ге. Если уж петь, то петь должна вся община, а не хор. Поэтому в синагоге МЕОЦа хор не поет постоянно. Мы, как и работающий здесь кантор Пресман, предлагали восстановить хасидскую службу. Надеюсь, нам удастся получить благословение раввина.

– **У вас такой грустный вид сегодня!**

– Коллектив готовится к очередному американскому турне. Нас ждут выступления в огромных залах, со знаменитейшими канторами.

Приглашающая сторона (американская еврейская община) подключает к этому масс-медиа, у нас будут интервью в газетах, на радио, напечатано огромное количество пресс-релизов. Мы выступим в Нью-Йорке, в очень красивом общинном центре. Это будет в Пурим. Мы хотим, чтобы р. Берл Лазар представил свой хор американской еврейской общине Манхеттена. Но перелет двадцати человек стоит немалых денег. Мы забронировали билеты, а выкупить их пока не можем. Нужно 30 тысяч долларов, таких денег у коллектива сейчас нет.

Мы готовы принять помощь фирм, заинтересованных в продвижении на американский рынок продукции своей компании и представлении себя как части российской еврейской общины. Логотипы этих компаний будут помещены в буклетах, афишах, программках, интервью. Можно панно и плакаты с рекламой установить в залах, на сцене, анонсировать информацию со сцены. Мы очень ждем этой помощи.

Мы надеемся на бизнес-сообщества, частных лиц и в первую очередь на еврейскую общину. К сожалению, большинство спонсоров интересуется только шоу-бизнес!

– **С чем это связано, как думаете?**

– Классическая музыка в России вошла в период упадка. Высококласные музыканты, профессора и замечательные педагоги вынуждены уезжать из страны. Маятник истории качнулся в другую сторону. Верю, что он так изменит свой курс! В Европе это уже начало происходить.

Вопрос лишь в том, сколько поколений будут лишены духовных богатств. Раньше народными артистами были Рихтер, Нейгауз, Флиер, Мравинский, Шостакович, Прокофьев, теперь «наши заслуженные» – Газманов, Распутина, «Блестящие», «Пыхтелки и Сопелки», а кому-то вообще какие-то «ноги светло» и т. д.

Такие гении, как Рихтер или Нейгауз, давали концерты на фабриках, заводах. Люди приходили послушать эту музыку, никто их не сгонял, как на партийные собрания. Наши учителя выступали в Нижнем Тагиле, при страшном морозе, на разбитых инструментах. Для простых рабочих это было нечто космическое... Я видел их лица, когда ребенком гастролировал с нашим детским хором!

– **Может быть, дело в отсутствии должного пиара классики...**

– Классика не нуждается в рекламе! Люди подсознательно чувствуют, что есть оно – Искусство.

Мой педагог говорил, что если голую задницу крутить по ТВ 24 часа в сутки, она станет звездой! (Оставаясь понятно чем.) Музыканты с классическим образованием перестают заниматься своим ремеслом в заботе о хлебе насущном. Вся их деятельность сводится к «заколачиванию бабок».

Обратного входа в академический мир для них не будет. Трудно переключиться с попсы на молитву. Большинство коллег признаются, что петь в одном концерте еврейскую духовную музыку и – с тем же отношением – эстраду практически невозможно. Многие перестали смотреть телевизор.

Молодежь просто зомбируют шоу-культурой, чтобы она ни о чем другом не думала и ни в чем «дурном» не участвовала.

После наших концертов люди подходят со слезами на глазах, говоря: «Мы думали, что настоящее искусство умерло. Вы поете так трогательно, так бережно и трепетно относитесь к музыкальной культуре нашего народа!...»

Но то, что мы сейчас делаем с хором, не окупается, и у меня порой возникают самые отчаянные мысли... Много раз было желание уехать. В 90-х годах я чуть было не эмигрировал в Израиль. Были предложения работы в США, в Германии, в Копенгагене. И всякий раз останавливал именно московский мужской еврейский хор. Мне безумно обидно, я борюсь из последних сил. Жизнь дорожает, азарт романтической молодости погас, адская работа и выступления «за сосиску» – уже не прельщают. Я мог бы работать в том же оперном театре или преподавать в консерватории. Сегодня 100 % моей жизни уходит на хор, без остатка. Мы занимаемся не только музыкой, но и всеми организационными проблемами. Можно сказать, что я не живу, а существую, готовя эту поездку в Штаты. Мне говорят прямым текстом: «Раз Капелла не интересуется спонсоров, она не нужна!»

Но это большое заблуждение! Люди охотно посещают наши концерты. А искусство канторского пения умирает, не пережив пика популярности. Еврейская духовная музыка представляет еврейскую Высокую Культуру. Бросать это благородное дело так больно, словно потерять своего ребенка... Произошло смешение таких понятий, как Культура и шоу-бизнес. Спонсоры проплатили эстрадный концерт и наивно полагают, что это и есть вложение денег в искусство.

Но это не культура и не искусство. Это поощрение дебилизации.

Всем понятно, что ни один оперный театр, ни один крупный симфонический оркестр мира не живет на самоокупаемости. Эти крупные культурные проекты – национальное достояние. И поддерживаются либо пожертвованиями меценатов, либо государством. Такие достояния, как Мариинский театр в Петербурге, или Большой театр, или оркестры Гергиева, Темирканова, Федосеева, всегда существуют на дотациях. Даже Нью-Йоркский филармонический оркестр! Попса заполонила наши эфиры, она агрессивно насаждается. Конечно, это окупается, благодаря тому, что молодежь падка на все новое, модное, яркое и пестрое. Все эти отвратительные, на мой взгляд, затеи типа «Фабрики звезд», когда «звездами» считаются безголосые, не имеющие никакого музыкального образования ребята. Думаю, было бы гораздо эффективнее и правильнее отбирать талантливых ребят из разных музыкальных школ по всей России – пианистов, флейтистов, скрипачей и т. д. И показать таким образом, что именно это ценно и духовно, что именно сюда надо вкладывать деньги. Мы теряем нашу культуру, а у западных стран берем самое плохое, что только можно! А они у нас – только лучшее! За границей ведь уже переболели этим кошмаром.

– **Вы давно работаете в МЕОЦе?**

– С 1997-го года. Ни одно серьезное мероприятие не обходится без нашего коллектива. Мы очень много даем бесплатных концертов по Москве и регионам. В благотворительных, общественных, религиозных, светских организациях: «Хама», «Яд Эзра», в клубах пожилых людей, в Новогиреево, в Салтыковке, в Реутово, в Мытищах, в Ногинске, Балашихе, Черноголовке. У нас есть почетное право выступать с абонементными концертами в Московской консерватории.

– **Если можно, поподробнее...**

– Наш коллектив пел в консерватории с разными канторами и просто с сольными концертами. Мы выступаем и в новом Доме музыки, в зале Союза композиторов, в Рахманиновском и Малом залах консерватории. Осваиваем и залы, предназначенные для более популярной музыки. К сожалению, сегодняшняя эстетика требует от нас и такого. Но хор старается сохранять традицию именно академического искусства. Моя задача как художественного руководителя – не злоупотреблять современными средствами музыкальной выразительности. Аранжировки песен на идише мы делаем в академическом стиле. Песни на идише несут какое-то особое душевное тепло, они звучат естественно в аранжировке времен. Многие используют современные ритмы при исполнении классики. Это привлекает молодежь, достигается образовательная цель. Но такие произведения, как «Реквием» Моцарта или «Лунная соната» Бетховена более всего сильны в народной аранжировке. Это в полной мере касается и еврейской музыки.

– **Какова этимология вашей фамилии – Цалюк?**

– Цалюк – аббревиатура: цадик (святой), ламед (учение), катамар (финиковая пальма). Согласитесь – звучит весьма кошерно. Цалюки – родом из-под Чернигова. Кстати, бабушка со стороны отца была профессиональной оперной певицей, может, я унаследовал соответствующие гены? До войны она пела в оперных театрах Киева и Чернигова. Дедушка погиб на фронте, сгорел в самолете, и она одна продолжала воспитывать сына, моего отца, так и не вернувшись к любимой опере.

– **Похожа ли музыка, которую исполняете вы, на литургическую православную?**

– Я исполнял великое множество православных духовных сочинений Чайковского, Рахманинова, Чеснокова, Гречанинова, Львова, Березовского, Турчанинова.

Наша музыка от православной литургической отличается сильно. Музыка православной церкви – более аскетична и сурова. Еврейская духовная литургическая музыка ярка, многогранна, несет мощнейший энергетический потенциал. Это мнение многих музыкантов, не только евреев.

– **Существует ли в мире аналог вашего хора?**

– Сегодня в мире существуют в основном любительские коллективы. Даже центральный хор Иерусалимской синагоги – только для служебного пользования. Они поют по праздникам, собираются на репетиции нерегулярно. В Москве же, благодаря труду высочайших профессионалов,

которые учились с пяти лет, открылся своеобразный коридор для придания этой музыке особого, что ли, лоска, достойного общемирового культурного уровня.

Мы все – солисты...

– **Наверняка вышло много ваших дисков...**

– Известная фирма Universal Music выпустила четыре компакт-диска с музыкой нашего хора – Sim Shalom, Mi Shebeyrach, Hasidushki International, Lekhaim Idelekh. У нас есть недавно изданный великолепный DVD-диск, видеокассеты с концертами из Большого зала консерватории. Потрясающе изданная продукция! Она продается в магазинах Москвы, на сайте www.jewishshop.ru

– **По каким критериям вы отбираете музыку для исполнения?**

– Наш хор исполняет еврейскую классическую музыку композиторов XIX – начала XX вв. – Ройтмана– Румшинского, Луиса Левандовского, Шарля Наумбурга, Моше Кусевицкого и других. Многие из них учились у Римского-Корсакова, Рубинштейна и Чайковского. Думаю, наша община, как своего рода министерство культуры, должно поддерживать все это для потомков, регулировать финансовые потоки так, чтобы сохранить и приумножить достояние еврейской культуры и сделать его общемировым! Сейчас в мире этим почти никто не занимается. Мы представляем московскую еврейскую общину на самых престижных конкурсах России и мира. Мы – поющая реклама российской еврейской общины. В хоре только профессионалы, разрывающиеся на нескольких работах, – преподают в консерватории, в Гнесинском институте, поют и играют в других коллективах. Ведь у всех – семьи, дети, жены.

– **С кем из ушедших знаменитых канторов, кроме Йозефа Маловани, вы выступали?**

– Мы неоднократно пели со знаменитым Михаилом Александровичем в Европе. Он – оперный певец и кантор, фаворит Сталина, в конце 60-х уехал отсюда. Отмечали 85-летний юбилей этого гения на сцене Большого зала консерватории. Грустно, но его приезд в Россию был осуществлен не еврейской организацией, как следовало бы, а фирмой, производящей женские прокладки и шампунь – «Проктер энд Гэмбл».

Часть своей библиотеки Михаил Александрович подарил нашему хору, что для нас очень важно и ценно.

Мы сотрудничаем с главным кантором Санкт-Петербурга Борухом Финкельштейном. И, несмотря на это, не страдаем «звездянкой». Люди не уходят из хора. Их удерживает атмосфера и понимание важности того, чем мы занимаемся. Мы работаем уже пятнадцать лет, а потерять все это можем в одночасье.

– **Много ли времени занимают репетиции?**

– Чтобы держать исполнительский уровень на высоте, надо трудиться над каждым нюансом, каждым тактом, каждой нотой. Это очень кропотливая

работа. Например, исполнять песни еврейского местечка мы задумали еще до появления такого популярного певца, как Ефим Александров. Мы хотели записать эти песни в аранжировке для солистов, хора и оркестра, – именно в той эстетике, в которой эти песни были созданы. Все эти замыслы прозябают сейчас «в столе». Нет средств.

Сделали концертную программу со знаменитейшим саксофонистом Алексеем Козловым, одним из лучших джазовых музыкантов в стране и мире. Обработки для мужского хора а саррелла и «саксофона-соло» – этого не делал до нас никто в мире! Здесь и музыка французских импрессионистов, таких, как Форе, Дебюсси, Равеля, Франка, даже Рахманинова и Вагнера! – **Вагнера?!**

– Представьте себе, Вагнера, – в обработке Алексея Козлова, который сделал «антифашистского Вагнера». У нас был вечер в Рахманиновском зале, посвященный памяти Ицхака Рабина. Телеканал «Культура» освещал это мероприятие. В середине знаменитой увертюры Вагнера вдруг зазвучала еврейская импровизация, переключка между кантором и «саксофоном-соло». Американский посол Александр Вершбоу, когда услышал нас в программе с Козловым, пригласил в Спасо-Хаус (резиденцию американского посла в Москве), где проходила поминальная служба по жертвам 11-го сентября. Хотели записать компакт диск, но не нашли средств. Очень жаль, так как Алексей Козлов сделал потрясающие аранжировки. Это – очень достойный музыкальный материал!

Теплые отзывы президента СССР Михаила Горбачева, посла США в России Александра Вершбоу, кантора Йозефа Маловани

Вообще, все пятнадцать лет существования коллектива мы видим полное несоответствие вложенного труда и финансовой платформы, на которой все держится. Это абсолютно неадекватно. И деньги нужны небольшие. Идти же в российское министерство культуры с просьбой профинансировать еврейскую духовную музыку – нелепо и смешно.

Я же не занимаюсь русскими частушками! Тогда – может быть, было бы другое дело...

Яна Глезина

«ЕВРЕЙСКОЕ СЛОВО», №6 (229), 2005 г.

<http://www.e-slovo.ru>